

«Дипломатия добрососедства» Китая в странах Южной Азии (на примере Пакистана, Индии, Непала и Бутана)

© Ширгазина Э.Р.^а, 2021

^а Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7715-2991
elvenelanor@mail.ru

Резюме. Концепция «мягкой силы» в полной мере соответствует традиционной стратегии Китая в отношении внешнего мира. Она получила всеобъемлющее воплощение в политическом курсе страны. Официальная линия на развитие дружественных и добрососедских отношений во внешней политике КНР явно обозначилась в эпоху правления Дэн Сяопина и последовательно развивается с тех пор, получая новые импульсы для этого. Мирная и стабильная окружающая среда видится одним из ключевых условий для развития страны. Принимая во внимание ставшую уже традиционной конкуренцию Китая с Индией, особенный интерес представляют успехи Пекина в поддержании двусторонних отношений со странами Южной Азии. В статье исследуются механизмы «мягкой силы», используемые КНР в отношении соседних государств Южной Азии (Пакистана, Индии, Непала и Бутана) в рамках декларируемой Пекином «дипломатии добрососедства». Автор анализирует ее реализацию на примере четырех сфер взаимодействия: инфраструктурного строительства, торговли и инвестиций, политических контактов, оказания гуманитарной помощи и распространения культурного влияния. В каждом случае последовательно рассматривается китайская политика в отношении выше названных стран, исследуются наиболее значимые инициативы и определяются факторы, мешающие и помогающие реализации этих инициатив. Автор приходит к выводу, что сама идея «дипломатии добрососедства» укоренена в китайской внешнеполитической традиции, но ее реализация сталкивается с рядом как внутренних, так и внешних факторов.

Ключевые слова: Китай, «дипломатия добрососедства», Южная Азия, Индия, Пакистан, Бутан, Непал

Для цитирования: Ширгазина Э.Р. «Дипломатия добрососедства» Китая в странах Южной Азии (на примере Пакистана, Индии, Непала и Бутана). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 32-39. DOI: 10.31857/S032150750014026-0

China's Good Neighborhood Diplomacy in South Asia (the cases of Pakistan, India, Nepal and Bhutan)

© Elsa R. Shirgazina^a, 2021

^a Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7715-2991
elvenelanor@mail.ru

Abstract. In the contemporary world using of rigid methods of external policy increasingly loses its effectiveness. The popular concept of "soft power" is fully consistent with China's traditional strategy towards the outside world and it has received here a comprehensive and specific implementation in the country's political course. Meanwhile, the official line on the development of friendly and good-neighborly relations in the foreign policy of the People's Republic of China was clearly outlined during the era of Deng Xiaoping's rule and has been consistently developing since then, receiving new impulses for this. A peaceful and stable environment is seen as one of the key conditions for the country's development. Taking into account the traditional competition between China and India, Beijing's success in maintaining bilateral relations with the countries of South Asia is of particular interest. The article examines the mechanisms of «soft power» used by the PRC in relation to the neighboring states of South Asia (Pakistan, India, Nepal and Bhutan) within the framework of Beijing's declared «good neighborhood diplomacy». The author analyzes its implementation by the cases of four areas of interaction: infrastructure construction, trade and investment, political contacts, humanitarian assistance and the spread of cultural influence. In each case, the Chinese policy towards Pakistan, Nepal, Bhutan and India is sequentially examined, the most significant initiatives are explored, and the factors that hinder and help in the implementation of these initiatives are identified. The author comes to the conclusion that the very idea of «good neighborhood diplomacy» is rooted in the Chinese foreign policy tradition, but its implementation faces a number of both internal and external factors.

Keywords: China, good neighborhood diplomacy, South Asia, India, Pakistan, Bhutan, Nepal

For citation: Elsa R. Shirgazina. China's Good Neighborhood Diplomacy in South Asia (the cases of Pakistan, India, Nepal and Bhutan). *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 8. Pp. 32-39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014026-0

Близкий сосед лучше дальней родни.

Китайская пословица

ВВЕДЕНИЕ

Задача этой работы - исследование роли «добрососедской дипломатии» во внешнеполитической стратегии Китая и специфики ее применения в ряде стран Южной Азии. Ее эффективность варьируется от государства к государству. Для того, чтобы оценить ее в полной мере, в статье анализируются различные аспекты двустороннего сотрудничества, в частности, развитие транспортной инфраструктуры, торгово-экономических связей, политических контактов и гуманитарной составляющей взаимодействия Китайской Народной Республики с Пакистаном, Непалом, Бутаном и Индией.

Из наиболее ценных работ, использованных в данной статье, хотелось бы выделить изданный в Нидерландах сборник исследований антропологов, географов и историков различных стран «Искусство соседствования: налаживание отношений через границы Китая» (*«The Art of Neighbouring: Making Relations Across China's Borders»*) [1], а также работу бывшего сотрудника Госдепартамента США, специализирующегося по изучению проблем международных отношений, Марки Д.С. «Западный горизонт Китая: Пекин и новая геополитика Евразии» (*«China's Western Horizon: Beijing and the new geopolitics of Eurasia»*) [2].

Основной акцент, однако, автор делает на анализе выступлений официальных лиц и лидеров государств, публикаций в СМИ и статей экспертов, вместе формирующих внешнеполитический дискурс в этих 5 странах Индокитая, что позволяет дать актуальный обзор китайских практик применения «дипломатии добрососедства».

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОКОВ

На всем протяжении долгой и сложной истории Китая его границы многократно изменялись: каждая династия стремилась к приращению территорий или возвращению утраченных земель. Это вынуждало центральные и местные китайские власти выстраивать систему взаимоотношений с приграничными племенами и народностями, причем базовым был даннический принцип, в соответствии с которым окрестные племена и государства платили дань китайскому императору [3].

Политические элиты современного Китая частично унаследовали традиционный взгляд на мир, присущий китайской цивилизации. С другой стороны, руководствуясь практическими соображениями, они творчески приспособили его к нынешнему уровню политического, экономического и культурного развития. Выстраивание добрососедских отношений с другими государствами считается одним из приоритетов внешней политики, а развитие периферийной дипломатии рассматривается как важный фактор достижения поставленной руководством КНР цели - «великого возрождения китайской нации» [4].

Еще Чжоу Эньлай в речи на Бандунгской конференции 1955 г. подчеркнул необходимость всестороннего стремления к сотрудничеству и готовность Пекина установить добрососедские отношения со всеми государствами на основе «5 принципов мирного сосуществования» и нормализации отношений с конфликтным потенциалом [5].

В 1964 г. Чжоу Эньлай очертил и «8 принципов, на основе которых должна оказываться экономическая помощь и техническое содействие другим странам» [6]. Ключевыми из них стали принципы равенства и взаимной выгоды, уважения суверенитета стран-получателей и общей ориентации на постепенное обеспечение самостоятельности и налаживания независимого экономического развития.

Опыт реализации этих принципов оказался востребован на новом этапе внешнеполитического развития КНР, который начался в 2007 г. В этот период в китайских политических элитах произошло переосмысление сложившихся в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) отношений и тенденций мирового развития. Выступая в 2007 г. с докладом на XVII съезде КПК, тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао обозначил необходимость расширения внешних связей, открытия КНР миру, «привлечения к себе» и «собственного выхода за рубеж» [7].

Ключевым моментом в оформлении нового подхода КНР к международным отношениям можно считать Центральное совещание по работе в области внешнеполитической деятельности, проведенное в октябре 2013 г. Его главной темой стал вопрос взаимодействия с сопредельными странами [8]. В качестве 4-х столпов новой политической линии были заявлены «доброжелательность, искренность, взаимная выгодность и инклюзивность (равные условия для совместной деятельности)» (*Qīn, chéng, huì, róng*) [4]. Эта формула предусматривает проведение комплексной стратегии, основанной на открытом отношении к соседям, увеличении числа дружественных стран и партнеров. При этом сотрудничество должно носить взаимовыгодный характер, а общие интересы - создавать тесную и активную сеть взаимодействия.

Главной проблемой при реализации поставленной задачи формирования благоприятной атмосферы в Азиатско-Тихоокеанском регионе стало преодоление страха «китайской угрозы». Яркий пример выстраивания отношений в подобных условиях - взаимодействие с Вьетнамом.

Несмотря на тесную историческую сопряженность, связи двух стран со времени обретения независимости испытали серьезную турбулентность: от стремления к расширению международных контактов и проведению независимой внешней политики Ханоем до прямых вооруженных столкновений между сторонами на протяжении второй половины XX в. (1979-1990 гг.). От принудительного исхода этнических китайцев (хоа) из Вьетнама (в 1970-х гг.) до продолжающихся споров из-за островов Спратли и Парасельских в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Разумеется, экономический, военный потенциалы Ханоя и Пекина неслучайны, однако южному соседу удастся, не поддаваясь распространению влияния азиатского гегемона, балансировать между конфликтом и всеобъемлющим сотрудничеством. Как представляется, основное препятствие для нормализации двусторонних отношений - именно неурегулированность вопроса о территориях в ЮКМ. Оно дополняется исторически выработанным недоверием к могущественному партнеру.

В рамках общего курса на нормализацию региональных отношений, которая впоследствии должна стать базой для укрепления позиций КНР во всем мире, эта стратегия дает определенные результаты. Как следует из итогов совместного исследования, проведенного Академией исследований современных Китая и мира и консалтинговым агентством *Kantar Group* в 2018 г., восприятие Китая в мире стабильно улучшается, причем преимущественно среди молодежи и в развивающихся странах оно уже достигло 7.1 из 10 возможных пунктов¹.

Наиболее безоблачными выглядят отношения Китая с Пакистаном: оба государства заинтересованы в углублении и развитии подобной «стратегической дружбы», учитывая их сложные отношения с Индией. В Индии еще свежа память о войне 1962 г.², а ее политические элиты рассматривают КНР как конкурента, пытающегося расширить свою сферу влияния и вытеснить Индию из стран Юго-Восточной Азии и Африки, а также подорвать ее влияние в Южной Азии. Непал пытается маневрировать между двумя гигантскими соседями, стремясь сохранить самостоятельность; Бутан является, по сути, страной-клиентом Индии и вынужден всегда учитывать индийские интересы. Ниже будет рассмотрена политика КНР в отношении этих стран по 4 направлениям: инфраструктурные проекты, торговля, политическое и гуманитарное сотрудничество.

ПУТИ ДОБРОСОСЕДСТВА

Из всех вышеперечисленных стран наиболее тесные отношения у КНР сложились с **Пакистаном**. Благодаря привлечению китайских инвестиций развитие пакистанской дорожной сети идет быстрыми темпами: строится магистраль Хакла-Дера Исмаил-Хан, которая была спроектирована как западное ответвление Китайско-пакистанского экономического коридора (далее - КППЭК) [9].

Активно ведутся работы по строительству глубоководного порта Гвадар, начатые по инициативе бывшего президента Пакистана Первеза Мушаррафа³. Долгосрочный (последний этап планируется завершить к 2045 г.) масштабный проект помог привлечь в Пакистан значительные китайские инвестиции. В силу крайней заинтересованности КНР в реализации проекта строительство ведется очень быстро: в 2016 г. Гвадар уже начал частично функционировать [10], управление портом осуществляет Холдинговая компания зарубежных портов Китая (*China Overseas Ports Holding Company*, далее - Холдинговая компания).

Развитие инфраструктуры на границе КНР и Индии носит двойственный характер. С одной стороны, обе стороны с подозрением относятся друг к другу, выстраивая пограничные дорожные сети с расчетом на быструю переброску войск к угрожаемым участкам. С другой, товарооборот между Китаем и Индией в последние годы неуклонно рос. Хотя львиная доля его приходится на морской транспорт, перспектива прокладки сухопутных коридоров, которые бы способствовали развитию приграничных районов, выглядит заманчивой. Но прямого железнодорожного сообщения между странами до сих пор нет [11] как по политическим (нежелание Нью-Дели участвовать в проекте «Пояса и пути», способствуя тем самым усилению влияния Китая), так и по чисто логистическим причинам (разная ширина железнодорожной колеи).

В настоящий момент на Линии фактического контроля⁴ между Индией и Китаем действуют 5 пунктов встреч пограничных служб. Торжественные встречи проводятся в знаменательные для той или другой

¹ China National Image Global Survey, Academy of Contemporary China and World Studies (China). <http://www.accws.org.cn/achievement/201912/P020191203506623981407.pdf> (accessed 04.01.2021)

² Пограничный конфликт между Индией и Китаем, в результате которого Индия потерпела поражение, а Китай занял ряд районов, включая Аксай-Чин (прим. авт.).

³ Президент Пакистана в 2001-2008 гг. (прим. ред.).

⁴ Линия фактического контроля (*Line of Actual Control - LAC*) - условная линия пограничной демаркации между Индией и Китаем, которая сегодня определяет фактические границы обоих государств (прим. авт.).

стороны даты, включают спортивные и иные мероприятия по налаживанию контакта между военнослужащими и сохраняют актуальность на фоне резкого обострения ситуации в восточной части Ладакха. Очевидно, что руководство ни одной из ядерных держав не желает эскалации конфликта, и подобные жесты, символизирующие добрососедские отношения, способствуют разрядке обстановки.

Непал представляет для КНР особый интерес ввиду стратегического географического положения. Из китайских инфраструктурных проектов в Непале наиболее известна автомагистраль «Дружба», которая связывает Лхасу с приграничным городом Чжанму. Установленная Индией в 2015 г. неофициальная пограничная блокада Непала лишь подтолкнула Катманду к дальнейшему сближению с северным соседом: за последнее время дополнительно было введено в эксплуатацию несколько дорог и официальных пунктов пересечения границы.

В 2016 г. была запущена первая комбинированная (железнодорожная и автомагистральная) грузовая линия, связавшая развитый промышленный город Ланьчжоу (провинция Ганьсу на севере КНР) через Шигадзе в Тибете со столицей Непала [12]. В том же году была одобрена идея строительства трансграничной китайско-непальской железной дороги. Через два года было подписано соглашение о трансграничном железнодорожном сотрудничестве с продлением путей Цинхай-Тибетской железной дороги от Лхасы. Помимо этого, китайские компании задействованы в строительстве международных аэропортов в Покхаре и Лумбини и реконструкции международного аэропорта Катманду имени Трибхувана [13].

Иначе обстоят дела с сопряжением дорог между Китаем и **Бутаном**. Территориальные проблемы и фактический статус Бутана как государства-клиента Индии приводят к тому, что Тхимпху по примеру южного соседа настороженно относится к любым китайским инфраструктурным инициативам, игнорируя «Пояс и путь».

ТОРГОВЛЯ - ОСНОВА ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Экономические отношения Пекина и Исламабада устойчиво развиваются на протяжении последних десятилетий. Еще в январе 1963 г. между Китаем и **Пакистаном** было заключено первое полноценное соглашение о торговле, которое заменило ряд отдельных документов о товарообмене. 12 февраля 1989 г. было подписано соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций, с 2006 г. - о свободной торговле.

Приоритеты двустороннего сотрудничества на современном этапе обозначил в 2013 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян: развитие сети связывающих магистралей, энергетики и производства электроэнергии [14]. Ключевой в этом сотрудничестве - Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), а рамках которого создаются инфраструктуры автомобильных, железнодорожных и воздушных перевозок, а также объектов энергетики. По оценкам пакистанской стороны, только с 2013 г. Китай инвестировал в него около \$60 млрд [15]. Пакистан, в свою очередь, ввел налоговые льготы для китайских компаний (в частности, налоговые каникулы для уже упомянутой Холдинговой компании).

Однако для реализации задуманных проектов требуется увеличение финансирования. Именно нехваткой средств объясняется задержка строительства автомагистралей Хакла - Дера Исмаил Хан, Карачи - Лахор, а также западного маршрута КПЭК [16].

Реализация китайских проектов в Пакистане сталкивается с рядом сложностей. В числе основных - проблемы с обеспечением безопасности персонала и самих объектов, а также слабо развитая транспортная инфраструктура, коррупция и нехватка финансирования для полноценного развития отдельных районов страны.

Сегодня китайско-индийские отношения представляют собой набор противоречий. С одной стороны, страны тесно связаны в экономике и стремятся к созданию полицентричной системы международных отношений, в которой они займут достойные места центров. Однако с другой - государства ограничены сравнительно небольшой территорией, которой вплотную примыкают друг к другу, к тому же остаются самыми населенными странами мира. Это закономерно приводит к конкуренции за ресурсы, пространства и распространение своего влияния.

Неурегулированность пограничного спора и глубоко укоренившееся в сознании индийской правящей элиты недоверие к соседу (в первую очередь в результате разгромного для Индии поражения по итогам войны 1962 г.), в конечном счете, периодически сводят к минимуму попытки КНР наладить добрососедские отношения. А стремление Нью-Дели наладить тесные контакты с другими государствами, в т.ч. и с оппонентами Пекина (к примеру, с США, Японией или Австралией), не вызывает доверия последнего. Сейчас страны рассматривают друг друга как конкурентов, а не хороших соседей, и ни одна из сторон не готова идти на уступки. Не исключено, впрочем, что налаженные механизмы двустороннего сотрудничества, в первую очередь, неформальные встречи премьер-министра Индии с председателем КНР, помогут переломить эту тенденцию, хотя это и займет довольно много времени.

В течение последних лет товарооборот между Китаем и **Индией** постоянно рос: даже в 2020 г. на фоне пограничного конфликта и спада экономики обеих стран в связи с пандемией он составил впечатляющие \$87,6 млрд, причем удалось снизить тревоживший Нью-Дели дефицит торгового баланса с более чем \$50 млрд до пятилетнего минимума в размере \$45,8 млрд [17]. Начавшееся в мае 2020 г. приграничное противостояние⁵ дало Нью-Дели необходимый предлог, чтобы организовать кампанию по снижению зависимости от китайского импорта.

При этом действия Нью-Дели нанесли чувствительный урон двусторонним отношениям. Китайская сторона указала на «избирательный и дискриминационный подход», использованный Министерством электроники и информационных технологий Индии при введении ограничений, и нарушение правил ВТО [18].

Основы нынешнего этапа хозяйственных взаимоотношений Китая с **Непалом** были заложены еще в 1960 г. подписанием соглашения об экономической помощи. Хотя основным внешнеторговым партнером Непала остается Индия, Китай активно выдает Катманду займы по сниженным либо беспроцентным ставкам, осуществляет грантовую поддержку социально значимых сфер и объектов. Одна из наиболее перспективных отраслей - туризм: в этот сектор и связанные с ним сферы идут китайские инвестиции, которые по объемам уже превзошли индийские [19].

Развитие торговых связей с **Бутаном** осложняется отмеченной выше близостью Бутана к Индии. Тем не менее, Китай наращивает поставки на внутренний рынок Тхимпху продуктов питания, товаров бытового назначения и высокотехнологичной продукции. Массовый характер в последние десятилетия приобрел туризм из Китая⁶. Такой всплеск интереса обусловлен религиозными, культурными и историческими связями Бутана и Тибета, который в последние годы стал одним из популярных направлений внутреннего туризма в КНР.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЛЯ

Политические отношения Китая и **Пакистана** уже много десятилетий остаются образцово дружественными и де-факто союзническими. Это вызывает понятное недовольство Индии, при том, что Пекин достаточно осторожно подходит к формулировкам в отношении принадлежности Кашмира, призывая стороны к диалогу на основе резолюций Совета Безопасности ООН. В свою очередь, Пакистан со времени обретения независимости последовательно поддерживает суверенитет КНР над Тайванем, Сицзаном (Тибетом) и Синьцзяном. У Пекина и Исламабада нет взаимных территориальных претензий: кратковременный пограничный спор был улажен в 1963 г. КНР и Пакистан постоянно подтверждают приверженность стратегическому партнерству, проводят совместные военные учения. Пекин остается крупнейшим поставщиком вооружений и технологий Исламабаду [21].

В 2020 г. Китай и **Индия** отметили 70-летие дипломатических отношений. За прошедшие годы они претерпели значительную трансформацию - от «5 принципов мирного существования» к обстановке взаимного недоверия, ставшей итогом войны 1962 г., в результате которой Индия потерпела поражение. К юбилейной дате две страны пришли с грузом неразрешенных вопросов: территориальный спор и нарастающая экономическая и геополитическая конкуренция двух держав нейтрализуют усилия по нормализации атмосферы, предпринимаемые в двустороннем формате, а также в рамках РИК⁷ и БРИКС.

При этом трудный диалог по вопросу о границе приносит свои плоды: соглашения 1993, 1996, 2005 и 2013 гг. по вопросу применяемых процедур урегулирования возникающих споров позволили предотвратить разрастание столкновения на границе 15 июня 2020 года в полноценный конфликт между двумя державами. Свою роль в преодолении взаимного недоверия играют контакты в рамках международных объединений и механизм неформальных встреч лидеров обоих государств (в Ухане в 2018 г. и в Ченнаи в 2019 г.).

Пекин, в свою очередь, предлагает повестку совместной работы на основе следующих 5 пунктов:

1) Китай и Индия должны стать партнерами, а не соперниками; 2) обе стороны заинтересованы в мире, а не конфронтации; 3) сторонам нужно стремиться к взаимовыгодному сотрудничеству, а не воспринимать взаимодействие как игру с нулевой суммой; 4) странам нужно стремиться укреплять взаимное доверие; 5) стороны должны ориентироваться на движение вперед, не фиксировать все внимание на прошлом [22].

⁵ Вооруженное столкновение, разгоревшееся из-за спорного района Аксай Чин, который Индия включает в состав своей союзной территории Ладакх (*прим. авт.*).

⁶ China woos Bhutan, to India's displeasure. <https://www.france24.com/en/20181017-china-woos-bhutan-indias-displeasure> (accessed 06.01.2021)

⁷ Заседания министров иностранных дел в формате РИК (Россия, Индия, Китай). Первое прошло в 2002 г., с 2007 г. эти встречи стали проводиться ежегодно (*прим. ред.*).

Однако, судя по динамике индийско-китайских отношений, обе стороны пришли к выводу, что стратегическое соперничество неизбежно. Не исключено, впрочем, что налаженные механизмы двустороннего сотрудничества, в первую очередь неформальные встречи премьер-министра Индии с председателем КНР, помогут переломить эту тенденцию.

Отношения Китая и **Непала** сейчас носят достаточно дружественный характер: Пекин ценит линию Катманду на поддержку политики «одного Китая», тем более что Непал граничит с Тибетским автономным районом, и его позиция оказывает непосредственное влияние на обстановку в Сицзяне. Во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Непал в октябре 2019 г. было объявлено о переходе двусторонних отношений на уровень стратегического партнерства [23].

До последнего времени КНР избегала вмешиваться во внутренние дела Непала, но конфликт, разгоревшийся внутри Коммунистической партии Непала (КПН) в 2020 г., вынудил Пекин нарушить это правило. Посол КНР в Катманду Хоу Яньци провела ряд закрытых встреч с президентом, премьер-министром страны и лидерами КПН, призывая стороны к диалогу и сохранению единства [24]. Эти действия демонстрируют, как работает механизм «идеологического экспорта» из КНР, способствующий расширению политического взаимодействия.

В отличие от Непала, **Бутан** относится к политическим инициативам КНР с явным недоверием, опираясь на поддержку Индии, и последовательно отвергает предложения китайской стороны об установлении полноценных дипломатических отношений, контакты между Тхимпху и Пекином осуществляются преимущественно через посольства обеих стран в Нью-Дели. Серьезным препятствием для развития отношений остается неурегулированный пограничный вопрос, разрешение которого, по мнению властей Бутана - необходимое условие для установления официальных контактов на высоком уровне.

Переговорный процесс в рамках рабочей группы, продолжавшийся с 1984 по 2016 гг., отличался крайней медлительностью и был заморожен после конфликта в 2017 г. на плато Доклам. В последние годы территориальный спор между Бутаном и Китаем разгорается все сильнее: в 2020 г. во время онлайн-заседания Глобального экологического фонда представитель КНР выступил против выделения гранта на развитие и сохранение биоразнообразия природного заказника Сактен на востоке Бутана, заявив, что заказник находится на спорной территории. Это было расценено рядом экспертов как попытка давления на Индию [25]. Вероятнее всего, однако, таким образом Китай старается побудить руководство Бутана разморозить переговорный процесс и после этого предложить новую пакетную сделку по приграничному урегулированию, призвав третьи стороны не вмешиваться в двусторонний процесс.

КОНТАКТЫ ДОБРОЙ ВОЛИ

Еще одно традиционное средство реализации китайской «мягкой силы» - изучение китайского языка. В **Пакистане** интерес к нему остается стабильно высоким: во многом благодаря КПЭК, в рамках которого специалисты со знанием китайского имеют шанс получить более престижную и высокооплачиваемую работу. В стране действуют 5 Институтов Конфуция при высших учебных заведениях и 2 класса при поддержке Канцелярии Международного Совета китайского языка.

В **Непале** работают 2 Института Конфуция при университетах Катманду и Трибхуван. Помимо этого, в рамках расширения сотрудничества с КНР в школьную программу введено изучение китайского языка, причем в некоторых случаях даже без получения согласия от родителей учеников; преподавателей предоставляет китайская сторона. Наблюдается ограниченный рост изучения китайского языка в **Бутане**: рост числа туристов из Китая (с общим количеством 7353 чел. за 2019 г. Китай вошел в тройку стран, обеспечивающих туристическую отрасль малой страны, после Индии и США⁸) привел к тому, что туристические агентства начали направлять своих гидов для обучения в китайские образовательные учреждения. В **Индии** же на фоне общественных выступлений против действий КНР в Ладакхе и призывов к бойкоту китайской продукции развернута кампания по ревизии деятельности образовательных учреждений, где преподается китайский язык - в частности, 3-х Институтов Конфуция, действующих при индийских университетах.

Начало пандемии *COVID-2019* значительно усложнило ситуацию в регионе и нанесло удар по имиджу Китая, но вместе с тем открыло и новые возможности для реализации «мягкой силы». С одной стороны, сам факт появления пандемии в КНР используется как средство в информационной войне против Пекина. В антикитайски настроенных журналистских и аналитических материалах обычным делом стали спекуляции о том, что КНР скрывает причины возникновения инфекции и масштабы ее распространения. Но в ситуации, когда китайская экономика первой в мире начала оправляться от последствий пандемии, Пекин

⁸ Bhutan Tourism Monitor 2019. Publication of the Tourism Council of Bhutan. https://www.tourism.gov.bt/uploads/attachment_files/tcb_K11a_BTM%202019.pdf (accessed 05.04.2021)

получил шанс продемонстрировать готовность к сотрудничеству и оказать финансовую помощь развивающимся странам, улучшив свое реноме в мире.

Вскоре после начала пандемии Пекин объявил, что готов делиться своим опытом борьбы с болезнью и оказывать посильную помощь всем нуждающимся государствам. Индия, Пакистан, Непал и Бутан приняли участие в видеоконференции, организованной для представителей органов здравоохранения и органов государственной власти стран Евразии и представителей ВОЗ [26], а в Исламабад были направлены группа медицинских экспертов из Китая, в задачу которых входила помощь местным специалистам, и оборудование для профилактики, диагностирования и лечения *COVID-2019* [27]. Катманду получил несколько партий медикаментов от Пекина, хотя отверг предложения Китая и Нью-Дели отправить в Непал своих медиков.

При этом Индия во время резкого роста заболеваемости в Китае сама направила 15 т помощи в виде средств индивидуальной защиты, а также оборудование для оказания неотложной медицинской помощи [28]. Кроме того, в странах Азии и, в первую очередь, в странах-участницах СААРК⁹, Индия инициировала проведение онлайн-конференций медицинских специалистов, а также предложила помочь с поставками медикаментов, медицинского оборудования и защитного снаряжения для медперсонала. Нью-Дели стал фактически единственным поставщиком медицинской и гуманитарной помощи Бутану.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно утверждать, что КНР последовательно и комплексно реализует внешнеполитический курс на «добрососедскую дипломатию». Он - органическая часть стратегической культуры Китая, которая уходит корнями вглубь веков. В настоящее время она переосмыслена в соответствии с изменившимся пониманием национальных интересов страны и принципов международных отношений - в частности, принципом взаимности, что зачастую побуждает китайскую сторону отказываться от односторонних попыток наладить взаимодействие и перейти к зеркальной реакции на действия другой стороны.

У китайской «дипломатии добрососедства» в Южной Азии есть ряд внешних ограничителей: боязнь окружающих стран попасть в экономическую, политическую и культурную зависимость от КНР, историческая память о конфликтах с Китаем, конкуренция за сферы влияния, наконец, вмешательство внешних акторов в двусторонние и многосторонние процессы в регионе. Преодолеть эти внешние ограничители КНР при всем желании не в состоянии: они уже укоренились в общественном сознании населения стран-соседей и зачастую отражаются во внешнеполитических стратегиях государств. При этом при благоприятных обстоятельствах возможна корректировка этих ограничителей, но не полная их ликвидация.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Saxer M., Zhang J. 2017. *The Art of Neighbouring: Making Relations Across China's Borders*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 268 p.
2. Markey D.S. 2020. *China's Western Horizon: Beijing and the new geopolitics of Eurasia*. New York: Oxford University Press, 313 p.
3. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 2: Азия / МГИМО МИД России. М., 2016. 599 с.
Political systems of modern states: An encyclopedic reference book: in 4 vols. Vol. 2: Asia. Moscow, 2016. 599 p. (In Russ.)
4. 习近平在周边外交工作座谈会上的讲话要点. (The Key Points of Xi Jinping's Speech at the Symposium on Foreign Affairs around the World (In Chin.). <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n/2015/0721/c397563-27338114.html> (accessed 03.01.2021)
5. Zhou Enlai. 1955. Main Speech by Premier Zhou Enlai, Head of the Delegation of the People's Republic of China, Distributed at the Plenary Session of the Asian-African Conference, April 19, 1955. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121623> (accessed 03.01.2021)
6. Zhou Enlai. 1964. «The Chinese Government's Eight Principles for Economic Aid and Technical Assistance to Other Countries, January 15, 1964», History and Public Policy Program Digital Archive. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121560> (accessed 03.01.2021)
7. Hu Jintao. 2007. Report at the XVII Congress of the Communist Party of China (full text). http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_12.htm. (In Russ.) (accessed 04.01.2021)
8. Лексютин Я.В. «Добрососедская дипломатия» Китая в Восточной Азии. *Азия и Африка сегодня*. 2017, № 9. с. 12-18.
Leksytina Ya.V. 2017. «Good neighborhood diplomacy» of China in East Asia. *Aziya i Afrika segodnya*. № 9 (In Russ.)
9. NHA's interactive map (Draft). <https://www.google.com/maps/d/u/0/embed?mid=1Ypl-rj2JVeefZ7SgKF9yNHV41zk&ll=32.383995791993016%2C74.46538086716183&z=13> (accessed 05.01.2021)
10. 'Today marks dawn of new era': CPEC dreams come true as Gwadar port goes operational. <https://www.dawn.com/news/1296098/today-marks-dawn-of-new-era-cpec-dreams-come-true-as-gwadar-port-goes-operational> (accessed 05.01.2021)

⁹ Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (*South Asian Association for Regional Cooperation - SAARC*) - экономическое и политическое объединение 8-ми стран Южной Азии, образованное в 1985 г. (прим. авт.).

11. Railway Map of India. Survey of India. The National Survey and Mapping Organization, Department of Science & Technology. http://www.surveyofindia.gov.in/files/Railway%20map_Eng_C.jpg (accessed 05.01.2021)
12. Sanjeev Giri. Beijing 'sends' freight train for Nepal. <https://kathmandupost.com/national/2016/05/13/beijing-sends-freight-train-for-nepal> (accessed 05.01.2021)
13. Nepal-China tourism cooperation expected to flourish. <https://www.chinadaily.com.cn/a/202001/16/WS5e1fd272a3101282172716d6.html> (accessed 05.01.2021)
14. Zofeen T.Ebrahim. China's new silk road: What's in it for Pakistan? <https://www.dawn.com/news/1177116> (accessed 05.01.2021)
15. Pamir Sahill, Israr Alam Mohmand. Pakistan Attempts to Reset Economic Ties with China. <https://gandhara.rferl.org/a/pakistan-attempts-to-reset-economic-ties-with-china/30208118.html> (accessed 06.01.2021)
16. Bureau Report. Special economic zone to be set up in Rashakai. <https://www.dawn.com/news/1480084/special-economic-zone-to-be-set-up-in-rashakai> (accessed 06.01.2021)
17. Ananth Krishnan. India's trade with China falls in 2020, deficit at five-year low. <https://www.thehindu.com/business/Economy/indias-trade-with-china-falls-in-2020-deficit-at-five-year-low/article33581648.ece#:~:text=India's%20exports%20to%20China%2C%20however,billion%2C%20the%20lowest%20since%202015> (accessed 07.01.2021)
18. Ananth Krishnan. China expresses concern over India's ban on 59 Chinese apps. <https://www.thehindu.com/news/international/china-expresses-concern-over-indias-ban-on-59-chinese-apps/article31952665.ece> (accessed 07.01.2021)
19. Nepal-China tourism cooperation expected to flourish. <https://www.chinadaily.com.cn/a/202001/16/WS5e1fd272a3101282172716d6.html> (accessed 06.01.2021)
20. Anil Giri. Nepal signs deal with China to access seven Chinese sea and land ports. <https://kathmandupost.com/national/2019/04/30/nepal-signs-deal-with-china-to-access-seven-chinese-sea-and-land-ports> (accessed 06.01.2021)
21. Muhammad Asif Noor. Pakistan-China strategic partnership. <https://dailytimes.com.pk/370041/pakistan-china-strategic-partnership/?cn-reloaded=1> (accessed 07.01.2021)
22. H.E. Mr. Sun Weidong, Ambassador of China to India. 30 July, 2020. Special lecture India China Relations: The Way Forward. <https://www.icsin.org/uploads/2020/08/10/1cf6f46bcbf0129c329dd9cde60ef206.pdf> (accessed 07.01.2021)
23. 关系提升一层中国与尼泊尔成战略合作伙伴. (China and Nepal become strategic partners (In Chin.). <https://beltandroad.zaobao.com/beltandroad/news/story20191014-996929> (accessed 07.01.2021)
24. Anil Giri. Chinese ambassador making the rounds at a time of internal crisis invites much criticism. <https://kathmandupost.com/national/2020/07/06/chinese-ambassador-making-the-rounds-at-a-time-of-internal-crisis-invites-much-criticism> (accessed 07.01.2021)
25. Bertil Lintner. Why China wants a Himalayan dispute with Bhutan. <https://asiatimes.com/2020/07/why-china-wants-a-himalayan-dispute-with-bhutan/> (accessed 06.01.2021)
26. China ready to share its experience to control coronavirus spread with India, provide assistance. <https://timesofindia.indiatimes.com/india/china-ready-to-share-its-experience-to-control-coronavirus-spread-with-india-provide-assistance/articleshow/74776483.cms> (accessed 08.01.2021)
27. Chinese medical team arrives in Pakistan to aid fight against COVID-19. <https://news.cgtn.com/news/2020-03-28/China-sends-medical-experts-to-Pakistan-for-fight-against-COVID-19-PecdfkpmMM/index.html#:~:text=The%20Chinese%20foreign%20ministry%20said,Geng%20Shuang%20in%20a%20statement> (accessed 08.01.2021)
28. Shri V. Muraliedharan. Answer of the Minister of State in the Ministry of External Affairs to the Question No. 3951 of Lok Sabha on 18.03.2020. Ministry of External Affairs, Government of India. https://www.mea.gov.in/lok-sabha.htm?dtl/32559/question_no3951_medical_supply_to_china (accessed 09.01.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ширгазина Эльза Рифовна, аспирантка, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Elsa R. Shirgazina, Post-graduate student, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
26.02.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.04.2021

Принята к публикации (Accepted)
25.05.2021